

ТАШКЕНТСКИЙ МИФ И РУССКОЕ ФЕЛЛАШЕСТВО

э с с е

Хорошо и приятно глядеть в зеркальную гладь тихой воды, особенно летом, особенно где-нибудь в Средней Азии, особенно если отчётливо видишь своё ласкающее взор отражение. Сидишь себе над водой на уютном топчане, скрестив под собой ноги, и чай гоняешь. И слушаешь утомительный ток перепела-беданы. Но проходят годы — а ты задумчиво сидишь над тихой водой — годы проходят, и тихо куда-то уходит вода, и густеет водоём, зарастает тиной... Головастикам, конечно, самое оно, но всё меньше места для жучков-вертячек, кучными стайками снующих у самой поверхности тихой воды. «Писатели» — так называют их дети и пытаются выловить из тихой воды. Но «писатели» — животные маленькие и скользкие, не поймаешь, крутятся так, что в глазах рябит, выписывают целые александрийские и вавилонские библиотеки неугомонным зигзагообразным движением. И остаются библиотеки нечитанными в толще тихой воды. Но испаряется вода под лучами обыкновенного среднеазиатского солнца, впитывается в глинистое дно, «писатели» и головастики, инфузории и рыбёшки, амёбы и водомеры — бессильно присыхают к быстро каменеющему дну. Самые шустрые находят чуть заметные протоки и несутся прочь из мелеющей лужи. Если, конечно, успели опомниться. А если нет, то так и запекаются в пока ещё влажной, а потом сухой и растрескавшейся глине. Образуется такыр. До самого горизонта — сплошной такыр. Попробуй теперь поглядишь в него! Видишь что-нибудь?

Вслед за лужей в ташкентском дворе высыхает далёкое полумифическое Аральское море. Его никто не видел, но оно — есть, оно присутствует всюду, оно внутри нас — высыхает и засаливает душу. А на зиму в Ташкенте спускают фонтаны. Самый главный фонтан — на бывшей «Красной»

площади, бывшей площади Ленина. Фотография его, сделанная Владимиром Жирновым с помощью «рыбьего глаза», помещена в четвёртом выпуске альманаха «Малый Шёлковый путь»: пространство вспучивается в объективе разложенными в правильные ряды огромными бетонными печеньями, из которых торчат урезанные конусы водомётов. На горизонте, строго по центру — кажущийся маленьким памятник Ленину работы самого Томского, младший брат лоснящегося кербелевского Ильича с Октябрьской площади Москвы. Четвёртый выпуск альманаха — предпоследний, потому что следующий, пятый — последний. Потому что, наконец, никакого Ленина-младшего давным-давно нет, продали в цветмет¹, а на его пьедестал водрузили бронзовый (?) глобус, а на полглобуса — непропорционально великая контурная карта Республики Узбекистан. Нормальный воинствующий провинциализм. Нормальная восточная диктатура, не очень, кстати, идиотическая, как, скажем, в соседней Туркмении. Возможно, более изощрённая и тонкая, кто знает...

«Малый Шёлковый путь» проложили три ташкентских поэта: Санджар Янышев — бывший ташкентец, ныне подмоскович, Вадим Муратханов — тоже почти уже не ташкентец, и Сухбат Афлатуни, он же — Евгений Абдуллаев, философ Ташкента, один из главных его мифологов, чей кучерявый псевдоним в буквальном переводе означает «диалог Платона». Первый выпуск альманаха, тоненький и беленький, состоял из стихов исключительно трёх упомянутых выше авторов и заявлял о возникновении некой «Ташкентской поэтической школы»², за которую Янышеву потом в московской поэзотусовке сильно и много доставалось. Сам виноват. Нечего было создавать какое-то странное литературное землячество, трезвонить о нём на каждом углу, получать премии, с трудом налаживать ежегодный выпуск «МШП»³ и даже подписываться под тихим манифестом «Ташкентской школы»⁴. Не стану скрывать: и сам я ташкентец. Бывший, конечно. И из другого, более младшего, поколения. И пару раз публиковался в «МШП», так что лицо очень даже нестороннее... Но так оно и надо.

Потому что ташкентцам почему-то приходится постоянно оправдываться — в чём? почему? перед кем? Бог с ней, с «Ташколой», есть она или нет её! Или — не «бог с ней»? И почему именно Ташкент? Почему именно «русская узбекская поэзия» (от себя добавлю — и проза)? Почему не казахская, киргизская, туркменская, таджикская или каракалпакская, в конце концов? Почему-то — нет. Это не значит, что её не существует. «МШП» как раз и стремился в четвёртом и пятом выпусках представить какую-никакую, но русскую литературу Средней Азии... Или почему школа именно «ташкентская»? В пику «ферганской»? (Этим вопросом измучили как составителей альманаха, так и самих «ферганцев») Да нет, в третьем выпуске «МШП» есть и «ферганская школа»... Но почему-то именно Ташкент стал мифологическим центром русской литературы Средней Азии, точнее не просто Ташкент, а Ташкент Небесный, Ташкент как эйдос. Самое время обвинить меня в упёртом провинциализме в духе бронзовеющего на солнышке глобуса Узбекистана. Однако я попытаюсь доказать, пыхтя и оправдываясь, существование особого пространственного мифа — ташкентского мифа, стремящегося утвердиться в русской литературе.

Прежде всего, Ташкент — город, которому официально 2000 лет (в этом он уступает, правда, Самарканду и Бухаре). Город, стоявший на Великом Шёлковом пути. Со второй половины XIX века — центр целой провинции в составе Российской Империи, столица Туркестанского генерал-губернаторства. Затем — самый крупный из самых европейских городов Туркестана: первый в регионе университет (по европейскому опять же образцу), единственный в регионе метрополитен и т.п. — одним словом, очаг цивилизации. В чём и приходится оправдываться! Гораздо лучше меня это сделал Евгений Абдуллаев в замечательном эссе «Оправдание города» («МШП»-2), в котором Ташкент обозначен как «топос смерти», большой некрополь, где умерла Комиссаржевская, Черубина де Габриак, «долго болела Ахматова», «смертельно болел Солженицын». Для Абдуллаева «Ташкент, если на то пошло, — это анти-Восток. Город рос непрерывной

борьбой с Востоком. Держал его (в) себе, как пленника. Как двоечника, оставленного на дополнительные занятия». Ташкент — это и город «дружбы народов»: «В Среднюю Азию ссылали целые племена. Ещё две с половиной тысячи лет назад, при Ахеменидах. При Ленинидах Средняя Азия вновь стала этническим водосбросом. Соединённые штаты наизнанку. Корейцы, крымские татары, греки, немцы, евреи...» Русские — по умолчанию. Потому что они как бы не ссылались, а сами ссылали, ведомые в светлое будущее усатым грузином. Другого усача, усмирителя Туркестана в годы Гражданской войны, неистового басмачеборца — командарма Будённого, долго ещё вспоминали коренные жители. Мой дед, родом из русско-украинского старожильского села под Самаркандом, рассказывал: стоило крутануть перед зарвавшимся узбеком воображаемые усы, как тот сразу же притихал. Такой был условный знак, напоминающий, кто в Империи хозяин. Интересно, что и первое время по завоевании Чимкента, Ташкента, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака и Самарканда, как свидетельствует очень занятный очерк Владимира Наливкина, «старого туркестанца» конца XIX — начала XX века, «слово “русский” вселяло тот “спасительный” страх, который впоследствии долгое время обеспечивал нам относительное спокойствие и внутри края и на его границах»⁵.

Но справедливости ради надо сказать, что до вхождения в состав Российской Империи Средняя Азия к XIX веку почти утратила свои некогда величайшие культурные и научные достижения, замкнулась сама в себе, отвыкнув от остального мира. Тот же Наливкин, один из покорителей Туркестана, вспоминал: «Когда наши войска приближались к Чимкенту и Ташкенту, среди здешних туземцев ходили, как им казалось тогда вполне достоверные, слухи о том, что русские не похожи на обыкновенных людей; что у них лишь по одному глазу, имеющемуся посередине лба; что у них такие же хвосты, как у собак; что они необычайно свирепы, кровожадны и употребляют в пищу человеческое мясо»⁶. Таковы были житейские представления об иных народах...

Справедливости ради нельзя не упомянуть, что — уже после Наливкина — без Советской Империи не было бы и узбеков (вместо оседлых сартов и таджиков, множества кочевых и полукочевых узбекских, казахских, киргизских, туркменских и каракалпакских племён, сплочённых волей народов и великой Русью)⁷. Справедливости ради можно припомнить и первый в регионе европейский университет, и единственный метрополитен, и подвижнический труд российских востоковедов, инженеров, врачей — бесчисленных кузнецов кадров, скромно и без кичливости несущих «бремя белого человека». Кичливость стала прорывать потом, когда на волне независимости (которую в каждой республике принято ласково называть лишь на титульном языке, в Узбекистане — «мустакиллик»), — кичливость стала прорывать, когда разыграли национальные чувства «порабощённых» народов. И не кичливость даже — обида: «Езжай своя Россия!» — «За что?! Мы тут родились, выросли, всю жизнь работали на республику...» Только вот узбекский язык немногие выучили и называли узбеков «бабаями», не всех, конечно, и не все. Отрыжка империализма, так сказать. Но разве она заглушает благоухание роз, которыми усыпан Ташкент? Разве она перебивает прохладу фонтанов? Разве мало было (и есть!) добрососедских, личных — вплоть до семейных — отношений между разными народами? Куда запрятать счастливые воспоминания детства, какими досками заколотить южное отрочество?

Звучит, казалось бы, пошло, пошлее некуда, но дело в том, что как раз это-то и составляет один из важных сюжетов ташкентского мифа, в современной литературе выговоренный напрямую, как ни странно, в произведении не о Ташкенте, а о другой среднеазиатской столице — Душанбе. Речь идёт о романе в новеллах Андрея Волоса «Хуррамабад». «Хуррамабад, — пишет Волос в примечаниях к роману, — топоним, встречающийся в иранских и тюркских сказках. В буквальном переводе значит “город радости, счастья; город, полный зелени и веселья”»⁸. На фоне гражданской войны в Таджикистане, болезненной утраты цивилизаторских

иллюзий и межнациональной розни «город радости, счастья» — звучит саркастично. Но лишь звучит. Сдержанная, тянущаяся, как тесто для уйгурского лагмана, проза Волоса меня не убеждает в том, что утрата Хуррамабада — это действительно трагедия.

Утраченный рай, наряду с топосом смерти — ещё одна составляющая ташкентского мифа. Обе они неразлучны, составляют классическую бинарную оппозицию. Для меня вот Ташкент — это и детство, и могилы дедов одновременно. Для Волоса его Душанбе — почти то же: неслучайно роман начинается с главы «Восхождение», с посещения русского кладбища на окраине таджикской столицы. «Горбатая земля была сухой и звонкой. Сюда, на эти криволинейные, взметённые к вечно ясному небу пространства они отправлялись когда-то, на эту жёлтую звонкую землю, — и упрямо жили на ней, треща своими тракторами, царапая плугами её грудь, чувствуя при каждом шаге, как тянет ремень кобура, и получали порой пулю в лоб или тёмное лезвие уратюбинского ножа в загорелый бок. И, принимая в себя их мёртвых, эта жёлтая земля, прежде чужая, мало-помалу становилась родной»⁹. Тогда, может, и нет особого, именно *ташкентского* мифа, а есть вообще — некий миф о трагически окончившейся колонизации Средней Азии?

А всё-таки он существует! Потому что ташкентский утраченный рай — это рай детства, а в «Хуррамабаде» Волоса детства нет и не было. Колониальный инфантилизм, культивируемый ташкентцами, закручивающий их в замкнутое пространство собственного мифа, есть краеугольный камень «Ташкентской школы», о чём и заявлено в её манифесте: «Авторам Ташкентской школы присуще обостренное чувство прошлого, индивидуальной истории, поэтизация детства, стремление если не обратить время вспять, то, по крайней мере, осмыслить утраченное. Объясняется это тем, что для жителей союзной периферии (особенно для “азиатского подбрюшья”) распад империи, хотя и проходил с некоторой оглядкой на бывшего “старшего брата”, сопровождался более резкой, нежели в центре,

сменой идеологии и коренными переменами в культурном и языковом пространстве. Можно говорить о почти вещественном — шагреневом — исчезновении родины в привычном ее качестве. Малая родина поэта — последнее, что ему остается, но и она понемногу вытекает сквозь образовавшуюся брешь. Не поэт в данном случае эмигрирует из родной страны — она покидает его, словно почва, уходя из-под ног. Замкнутое пространство вагона, комнаты, скворечника или улья, часто фигурирующее в произведениях поэтов ташкентской школы, — не что иное, как попытка укрыться от бога времени, любой ценой сохранить образ и воздух малой родины; это вечный поиск дороги домой»¹⁰.

Разве это не прямое доказательство того, что ташкентский миф существует? Существует и заявляет о себе душевной болью не только трёх ташкентских литераторов, но и томимых (или процветающих) по всей России и миру бывших русскоговорящих ташкентцев, узбекистанцев, среднеазиатцев... Притворюсь, что не знаю о «Ташкентской поэтической школе», но не могу притвориться в другом — в том, что я не заканчивал ташкентской средней школы №110. И мои бывшие одноклассники тоже не могут в этом притвориться — уехавшие в Россию, США, Германию, Италию, Грецию... И даже оставшиеся в Ташкенте, они остро переживают его утрату. Это уже совсем странно. Странно, когда не видишь собственными глазами, как стремительно усыхает та самая лужа, где когда-то мы вместе плескались. В ней было весело и солнечно. А теперь: старики — умирают, молодёжь — уезжает. Добрейший ташкентский старикан, известный в городе человек — Андрей Парфентьевич Алякринский, некогда преподававший на филфаке ТашГУ литературу народов СССР, слепнет. Нет больше литературы народов СССР, нет и старого Ташкента, чьи убогие домики уступают место президентским дворцам с чёрно-зеркальными стёклами, бирюзовыми куполами и никелированными колоннами. Алякринский — живописец-самоучка, многие десятилетия он выходил на пленэр в город, собирал холсты и доски в своей квартире, раздаривал друзьям и родным. А теперь —

умирает. Под окнами его типовой девятиэтажки стоял старинный особняк, ещё дореволюционный, то ли купеческий, то ли чиновнический. В нём располагался детский дом творчества. Какое-то время я ходил туда в кружок лепки, который вёл бывший ученик моего деда, скульптор-узбек. Каково же было моё удивление, когда, приехав в Ташкент в ноябре 2004 года, через четыре с лишним года после того, как я навсегда его покинул, — каков был мой ужас, когда я обнаружил вместо старинного особняка на бывшей улице Сапёрной штабеля кирпичей! Кирпичи были явно от этого дома, старые, добротные, сделанные на века. Они были аккуратно сложены за кованой оградой. Почему? Зачем? Не проще ли было просто сломать, а не аккуратно разобрать один из последних островков старого русского Ташкента?

Так вот, ещё один элемент ташкентского мифа — абсурдность. «У этого города потрясающая кафкианская потенция», — грустно сказал мне Женя Абдуллаев. И это ему нравится почему-то. А меня — притягивает и пугает. «Чур меня, чур! Господи, да где же это я родился и вырос! А? Что же это за место такое! Кто я такой? Где моя родина после этого?»

Абсурден «пейзаж за окном», о котором совершенно серьёзно сообщает манифест «Ташколы»: «Подобно тому, как эллинистический глинобитный Ташкент — так называемый “старый город” — всё больше уступает современным сейсмоустойчивым постройкам, антураж в творчестве ташкентских поэтов преимущественно городской: на смену кишлакам и предгорьям приходит среднеазиатский мегаполис». Урбанистический ландшафт Ташкента неуловимо давит на тебя, заставляет забыть о себе, вызывает в сознании фантазмагорические картины, так что не зря Абдуллаев к своему очередному оправдательному эссе (на этот раз оправдывается уже не город, а «Ташкола») приводит такой вот эпитафия из Дины Рубиной, тоже бывшей ташкентской: «...С тех пор каждого знакомого ташкентца я просила рисовать по памяти план города. И каждый рисовал нечто совершенно отличное от реально существовавшей карты. Что это значит? Страшно подумать. Что каждый жил в каком-то своем городе? В каком-то своем,

вымышленном, нереальном городе? Так, может быть, его вообще никогда не существовало?»¹¹

Таков неожиданный поворот мифа об утраченном рае! И в этом его коренное отличие от недовоплощённого Хуррамабада, в который зачем-то понадобилось переименовать реальный Душанбе. Ташкент уже не требует переименования, достаточно просто не упомянуть его имени (как в солженицынском «Раковом корпусе») — и всё, миф заработал. И утраченного рая вообще не было. «Этого Города уже нет, потому что никогда не было. Единственное, что удерживало Его от превращения в коллективную галлюцинацию, было требование прописки. В остальном он больше всего походил на сгусток огней, каким, кстати, и представал идущим на посадку ночным самолетам. Расположение аэропорта почти в центре столицы приучало летающих горожан видеть Ташкент широкоформатно и немного сверху. Эта электрическая лужа, пульверизировавшая светящимися каплями на нависшее над ночной столицей крыло, — кажется теперь нечаянным и точным портретом Города. То, что у других городов воплощалось в архитектуре, ландшафте и акценте, в Ташкенте вдруг проступало в невещественности слезящейся само-иллюминации»¹².

А что делать, если «электрическая лужа» Ташкента высыхает? И появляются в ней вынужденные приспособиться к новым условиям среды существа, вроде древних протоптеров, двоякодышащих рыб. Страшно только, что существа эти — человеческие. Одна из их разновидностей известна давно — это «полукровки». Ташкент — благоприятнейшее место для их возникновения, и даже не для «полукровок», а для «многокровок». В моей ташкентской школе (совсем не поэтической) в изобилии встречались полуармянки-полубурятки, четвертьазербайджанцы-четвертьрусские-четвертьузбеки-четвертьгреки, полурусские-полукорейцы — всех не перечислить! И это было замечательно — весело высчитывать вместе с твоим другом количество кровей, намешанных в нём. Но настало время, когда им, «полукровкам», пришлось определиться: в Узбекистане вроде бы уютнее

всего должно быть узбекам, Израиль собирал евреев, Крым — татар, а Россия никого, конечно, не собирала, но думали, что русским и русскоязычным должно быть лучше именно там. А поскольку «полукровки» в большинстве своём русскоязычные, какие бы крови в них не смешивались, нужно было как-то срочно определяться с самоидентификацией, равно как и узбекам, не знающим родного языка (или знающим его недостаточно), для которых русская культура — родная, а также и русским, считающим Узбекистан своей родиной... Вопрос заключался не в крови, а в культуре, в языке, каковой и каковым могли быть только русская культура и русский язык — общие для многонационального Ташкента. Они до сих пор существуют в Узбекистане, но вспомним необратимое усыхание этого некогда жизнеобильного водоёма... Через какое-то время носители русской культуры и русского языка в Средней Азии исчезнут физически, вымрут как мамонты. Или — русская культура и русский язык будут влачить жалкое существование, наподобие того как древнеегипетская культура и язык выродились в феллашество?

Феллашество (или феллахство) — последняя, по Освальду Шпенглеру, стадия жизни культуры. Египетские феллахи — многочисленные полуассимилировавшиеся потомки древних египтян (80 % населения), крестьяне (в отличие от бедуинов, арабов-кочевников, завоевавших Египет). В более широком смысле феллахи — это народ, утративший свою некогда великую культуру и влачащий жалкое историческое существование. Конечно, историософская концепция Шпенглера не всегда выдерживает профессиональную критику, но явление феллашества, на которое он обратил внимание, есть.

Есть и смежное с феллашеством явление, к которому, беря за образец тот же Египет, можно отнести коптов. Строго говоря, копты — те же феллахи по крови, физические потомки древних египтян, только их гораздо меньше, чем просто феллахов (7-8 % населения Египта), и своей исконной культуры они держатся как могут. Копты — христианские соседи мусульман

современного Египта, носители вымирающего языка, почти целиком ушедшего в литургическую практику. Христианство их особого толка, очень древнее¹³, и именно вера объединяет коптов, не даёт им раствориться в море египетского феллашества. Подобные этно-религиозные образования остались и от других культур. Например, от величайших империй древней и средневековой зороастрийской Персии — редкие общины парсов в Индии и гербов в Иране, цепляющихся за практически обесмысленные ритуалы и впадающих в оккультизм. «В конце XX столетия, — сетует ведущий в мире специалист по зороастризму Мэри Бойс, — зороастризм сталкивается с такими устрашающими своей сложностью проблемами, связанными и с натиском обмирщения, и с воздействием господствующих религий, и с ослаблением разбросанной общины, и с богословскими, и с иными на вид неразрешимыми разногласиями, какие мог бы измыслить только сам Ахриман»¹⁴. Похоже, лишь к концу XX века Ахриман довершает дело десяти с лишним столетий по уничтожению зороастризма... Подобная история и с караимами — уникальным малым народом Крыма и Литвы (куда они переселились из Крыма), который, вопреки историческим источникам, отстаивает своё происхождение от могущественного в VIII-IX вв. Хазарского каганата¹⁵. Что ж, у коптов, парсов и караимов — небеспамятных «феллахов» разных империй — остаются только воспоминания о великом и весьма отдалённом прошлом. И за это они пользуются уважением (впрочем, в разные времена по-разному) у тех народов, среди которых живут.

Для вырождения русской цивилизации в феллашество — сначала на окраинах бывшей Империи — есть все условия. И «полукровная» русскоговорящая культура Ташкента — идеальная питательная среда для этого процесса, который в языковой его части уже наречён «пиджинизацией русского языка»¹⁶. К чему далеко за примерами ходить? Все три поэта-участника «Ташкентской школы» — «полукровки». И все трое пишут на русском языке. Но при этом не могут осознавать себя только частью русской литературы. Не из-за своего полукровства, конечно, — полукровства в

расовом значении. Нет, тут имеет место полукровство духовное, которое затрагивает и вполне «чистых» представителей того или иного народа, — полукровство как миф. «XX век дал нам достаточно примеров взаимодействия восточной и западной культур. Благоприятные предпосылки к этому обоюдному влиянию создавал уклад советского общества на среднеазиатских окраинах империи, обусловивший плодотворный деспотизм русского языка как языка науки и культуры, появление новой этнической общности в результате смешанных браков и европеизации местного населения. Полукровство явило новую “микрорасу” со своим особым менталитетом»¹⁷.

Добавлю к этому, что не только смешанные браки породили эту «микрорасу», но и сам факт признания своей инакости по отношению к российской «русскости». «Мы другие» — это прежде всего миф, рождённый если не Ташкентом, то в силовом поле Ташкента как наиболее мифологизируемого города Средней Азии. «Другим» по сравнению с русскими метрополией, настоящим русских феллахом, можно назвать главного героя повести Сухбата Афлатуни «Гарем»¹⁸.

Само его имя маргинально — «Иоан Аркадьевич». «Иван? Нет... Иоан. С одним “нэ”, то есть... “эн”. Почему с одним? А почему Иоан? Ты что, верующий?» А почему — «Аркадьевич»? Не потому ли, что «*et in Arcadia ego sum*»? Детей его, близнецов, зовут Толик и Алконост (снова — *райская* птица). Но самые странные имена — у его многочисленных жён. Или отсутствие имён: «Первая Жена», «Старшая Жена». Или — целый интернационал имён и профессий: «иглотерапевт Зухра», «Марта Некрасовна, массажист-астролог», «Гуля Маленькая» и «Гуля Большая», «Фарида, в догаремном прошлом — служительница неопознанного протестантского культа», «Магдалена Юсуповна», «медсестра Зебуниссо», «старушка Софья Олеговна», «Зулейха», наконец, «Арахна», разрушившая «гарем» Иоана Аркадьевича. Отчим Иоана Аркадьевича — «инвалид Талип Мамарасулович», дочка — «младенец Анна Иоановна». Афлатуни создаёт в

своей повести целый феллашеский мирок, замкнутый, самодостаточный и неизбежно вымирающий, обречённый на разрушение. Феллашеский — потому что сам по себе «гарем» в ташкентском районе хрущёвок — явление химерическое, абсурдное. Состоит этот «гарем» из представительниц непонятных племён (с заметным «восточным» колоритом), разговаривающих на исковерканном русском языке, на «пиджин-рашен». Сам «Иоан Аркадьевич не владел человеческим языком», Арахна — заикается. Мистик Фарида изъясняется на придуманном ей самой наречии: «А не стыдись... Всё как муж-жена делай. А скор всё равно Конец Света, точны сведения, проверены. Потом покажу. И четыре всадника. Всё по полн-программе. И настоящ дракон будет. Стыдиться не над». По-своему колоритна и речь Зебуниссо (судя по акценту, она узбечка): «земтресение», узбекское междометие «и-е» (выражающее удивление), двуязычное обращение «сестра-хон», «артистка», «Зелёнка помажу — до свадьбы всё как новенька будет». Узбекский акцент зачем-то имитирует неузбек-старьёвщик: «Стары вз-эщ пакупаим! Стары падушья-обывь пакупаим! Стары тарелька-пасуда пакупаим!» В полной мере уже никогда не овладеют русским языком близнецы Толик и Алконост. А Софья Олеговна «повадилась изрекать что-то непонятное», объясняя, что это она так по-армянски разговаривает. Но потом выяснилось, что она «просто слова придумывает».

Итак, маргинальные существа, в которых вырождается колониальное население Ташкента, замыкаются в своём непроходимо убогом мирке, при всём при том вполне даже нормальном (на этой внутренней «нормальности» в «Гареме» сделан особый упор). Вот только когда вся эта система приходит в движение, когда от статики Афлатуни переходит к динамике, мне лично становится не очень интересно, меня лично не убеждает именно *такой* развал «гарема», именно *такой* финал. В повести есть ещё и «культурный» подтекст, и подозреваю, что он апокалиптический, как и основа петербургского мифа... С Петербургом Абдуллаев увязывал Ташкент и раньше, в цитированном уже эссе «Оправдание города»: топоним 'Ташкент'

переводится как ‘каменный город’ (возможно, это народная, хотя и довольно древняя, этимология¹⁹, но важно, что и само имя города становится мифом) и имя ‘Пётр’, как известно, означает «камень».

Кроме имени города, ташкентский миф с петербургским объединяет и общая эсхатология, первичная, конечно, для Петербурга... Но как она прижилась на среднеазиатских серозёмах, бог её знает. Общеизвестно, что Петербург погибнет от воды, будет затоплен вышедшей из берегов Невой. Репетиции этого события проходили уже много раз, один из коих запечатлён в бессмертной поэме Пушкина. Истоки подобного мифологического затопления города исследователи обнаружили аж в предсказании отца Церкви III века, сщмч. Мефодия Патарского, переведённого ещё древнерусскими книжниками²⁰. Отголоски мифа о потопе прослеживаются, как ни странно, и в Ташкенте, расположенном в глубине Евразии, а до ближайшего моря (которое высохло и водной угрозы точно ни для кого не представляет, скорее наоборот) от Ташкента караван шёл 37 дней, а до следующего — 53 дня²¹. Но угроза затопления города всё-таки присутствовала в сознании ташкентцев 90-х — в связи со странными слухами о непрочности плотины, удерживающей воды Чарвакского водохранилища (на его берегу расположена всесоюзно знаменитая «Бричмулла, Бричмуллы, Бричмулле» и т.д.). Об этом в начале своего эссе пишет Янышев: «Ташкент лежит в котловине. Говорят, если Чарвакскую плотину, что почти в ста километрах к северо-западу, прорвёт — город окажется под водой. Слух этот дошёл до врагов государства: прошлым летом близ Чарвака были задержаны несколько боевиков с аквалангами и двумя кг взрывчатки — с её помощью злодеи собирались взорвать дамбу и затопить наш город»²². И правда, сам помню подобные слухи, только в несколько более мирной версии: в один год уровень воды в водохранилище превысил какие-то допустимые пределы и поговаривали, что плотина сама не выдержит. Нашу семью эта проблема волновала особенно, потому что жили мы на первом этаже, и я даже

прикидывал, дотянется ли водичка до наших окон, придётся ли пользоваться лодками, какие рыбы и звери поселятся теперь в затоплено дворе...

Забавно, что не только Афлатуни эксплуатирует мифологическую близость Ташкента и Петербурга. Или ею пропитан воздух Ташкента? Тогда понятно, чем надышался мой школьный учитель истории, известный ташкентский оккультист, ожидающий неизбежного перехода человечества в четвёртое измерение посредством космического «трансмутационного огня». Спокойный, как разведчик, прямой, как доска, на уроках истории он предсказывал нам будущее и давал советы, как жить в новых условиях: иное измерение, следующая «коренная раса» человечества — не шутки, однако! Поначалу класс сидел слегка очумевший, потом привык, тихо посмеиваясь над фразочками типа: «В новую эпоху особо возрастёт духовная роль таких городов, как Ташкент и Санкт-Петербург». На вопрос: «А почему именно они?» — следовал вполне резонный ответ: «Так было сообщено Посвящённым, связанным с космическими иерархиями». Вот он, феллашеский оккультизм! И это ещё не всё: гуру-историк не был каким-то простым городским сумасшедшим, он оказался заметным деятелем Индийского культурного центра и председателем некоего Благотворительного общества духовного просвящения «Зиё»... А уж рядовых мистиков-шмистиков, оккультистов-моккультистов, йогов-могов — вообще не счесть! Обитает (или обитал) в урбанизированной природе Ташкента даже «Верховный Астрал Индо-Азиатского Большого Магического треугольника Тибет-Памир-Гималаи Евгений»²³, он же — писатель Евгений Березиков (из породы жуков-вертячек), автор слов популярной некогда песни «Чайхана», востребованный в середине 90-х идеологами республики как создатель скучного исторического романа «Великий Тимур»²⁴, а в советском прошлом немаленький партийный функционер. Такие вот странные сочетания... Как бы сказал Женья Абдуллаев, шпроты в рахат-лукуме. И это при том, что Ташкент ещё и центр Среднеазиатской епархии! Не позавидуешь владыке Владимиру (Икиму), чья паства вымирает, отъезжает и

беспрестанно впадает в ереси. Так что коптско-караимский вариант русским «феллахам» Ташкента едва ли светит²⁵. Хотя и его нельзя сбрасывать со счетов, тем более что в последние годы руководство Узбекистана как будто забило тревогу о повальном выезде из республики русских и иже с ними, как будто осознав гибельность таких потерь... Сам президент Ислам Каримов в последнем (и за несколько лет — единственном) интервью российской прессе с гордостью заявил, что он «на днях подписал указ о предоставлении гражданства 70 вернувшимся в республику русским»²⁶. Не от сладкой жизни, наверное, возвращаются. Но и не к кисельным берегам молочного Анхора.

В 4-ом выпуске «Малого Шёлкового пути» специально для особо выразительных «феллахов» устроен целый раздел — «Маргиналии», посвящённый пока лишь одному единственному (и больше в «МШП» не будет!) *природному* маргиналу, загадочному Александру Ки, с которым никто из составителей альманаха незнаком, да и неизвестно, жив ли он вообще. Случай с Ки очень похож на мистификацию, однако это не мистификация, а самое что ни на есть ташкентское явление! Не зря же за него ухватились Янышев и Муратханов, написавшие к подборке его творений по предисловию. «“Отрыл” Александра Ки, — признаётся Янышев, — года четыре тому назад [т.е. году в 1999-ом – А.Г.] Вадим; вручил ему некто стопку стихов, а кто вручил — спросите-ка у Муратханова, да, боюсь, он и сам не вспомнит»²⁷. Зато в своём предисловии пытается предположить об истоках феномена Ки: «Александр Ки — представитель многочисленной корейской диаспоры в Узбекистане, депортированной и оторванной от своих корней, успевшей изрядно подзабыть родную речь, но так и не пронизанной до конца речью русской, которая до сих пор воспринимается корейцами отчасти извне, как иностранная — пусть и выученная в совершенстве, но неродная. Впрочем, это, возможно, тема для отдельного исследования»²⁸.

Наверное, не стоит задерживаться на разборе наследия Ки, достаточно просто его процитировать, чтобы ощутить тот особый несвежий привкус,

который образовался у русского языка в Ташкенте, — несвежий, но всё равно чем-то да привлекательный, на любителя:

Нету счастья в целом мире,
Нету также и любви.
Мы сидим на черном пире,
Шевеля тельцов в крови...²⁹

Или приведём образец феллашеского творчества — целиком:

Нет, упругую тухлость души
Просто расшевелить не удастся.
Да, работа такая не шик.
Мне, зубами скрипя, надо драться.

Вот родители едут с детьми
В транспорте. Уж старух перестали
Замечать. Что творится с людьми?!
Сосунки, неужели устали?

Если слышу душевную хрусть
В сердце старом моем, нездоровом,
Встанет солончаковая грусть,
Опечалится взор, как коровий.

Как гладки малыши и ежу,
Это каждому дурню понятно.
Оттого-то я в братьях бужу
Совесьь строгую так презанятно³⁰.

Стихотворная деятельность Ки симптоматична и показательна, и, скорее всего, не для одного Ташкента: таких, как он, немало сыщется и в провинциальной России — серьёзных, чувствительных и всем озабоченных. Только в Ташкенте «ки-феномен» (© С.Янышев) лежит на поверхности, а не таится в литературном подполье. Ещё в большей степени это касается «антики-феномена» — воинствующего и выскообразованного графоманства, чьим вождём в Ташкенте 90-х годов был городской сумасшедший Саша К-ий, морально изнасиловавший не одно поколение ташкентских литераторов. И ведь было чем! Порывшись в Интернете в поисках полузабытых фантомов

феллашеского Ташкента, я наткнулся на отзыв о книге К-ого, выпущенной в Израиле (куда, к счастью, и уехал автор), а в нём — образцы, прочитав которые я был ошарашен: «И как мог я жить среди всего этого!» Например, такого:

Чтоб выжить, сотни тысяч лет впотьмах брёл троглодит,
С природой в схватках полузверств грёз — дух его спит,
Как раб в Египте камни нёс к постройкам пирамид,
Так к смерти эллин среди войн не рыдал театром навзрыд³¹.

А выжил. Потому что уехал из Ташкента. Ведь кроме ташкентского феллашества есть ещё и многочисленные *бывшие* ташкентцы — именно среди них, покинувших город, и мог родиться ташкентский миф. «Ташкент пребудет мифом, как Троя или Александрия», — пишет Янышев³², указывая на необходимое для существования этого мифа условие — эмиграцию.

Оказывается, незримые мистические узы связывают Ташкент не только с Петербургом, но и с Александрией — городом Александра Великого. Точнее — городами, Александриями, коих в Средней Азии только официально было три: Оксианская, Маргианская, Эсхата. Последняя находилась на месте нынешнего Ходжента³³, в Таджикистане, часах в трёх езды от Ташкента. В сети ташкентского мифа попадает и та далёкая Александрия — Египетская, где живут самые настоящие копты и феллахи... Да и память об Александре до сих пор живёт в среднеазиатском фольклоре, в котором тот известен как Искандер Зулкарнайн, что в переводе с арабского значит «двурогий». Не обошли его персону и в последнем выпуске «Малого Шёлкового пути», где опубликовано два текста, посвящённые ему³⁴, с предисловием С.А. (Сухбата Афлатуни, надо полагать). Из него мы узнаём, что, «по одной легенде, Искандер-Александр даже побывал на территории современного Ташкента — здесь он нашёл спуск в подземное царство и добыл там “воду бессмертия”»³⁵. Однако Александр не только спускался под землю, но и, как свидетельствует «Александрия» псевдо-Каллисфена (II-III вв. от Р.Х.), поднимался на небо в загадочном летательном аппарате. Не знаю, где именно

это произошло, но доподлинно известно, что в очередной, неофициально-легендарной, Александрии — в посёлке Искандер под Ташкентом, родился первый узбекский космонавт Джанибеков. Кстати, Владимир *Александрович*. Но прижизненный памятник ему³⁶, как дважды Герою Советского Союза, стоит почему-то в Ташкенте. Или — *всё-таки* в Ташкенте. Так что дорога к мифу сплошь усыпана знаками! Есть где разгуляться безумному семиотику. И как приятно самому быть при этом именно Александром!

Но вернёмся к эмиграции. Тем более что и первый узбекский космонавт давным-давно уехал из Ташкента, языку коего, «как ни парадоксально, по-настоящему внять возможно лишь на расстоянии; лишь преодолев предписанное самим рождением тождество Городу, можно попробовать приблизиться к его неторопливому говорению»³⁷. Не на ту же ли стезю разворачивал движение петербургского мифа Бродский, так и не вернувшийся в родной город? И какую нишу найти в ташкентском мифе *бывшим* ташкентцам? Вроде бы уже не «феллахи». Или — вообще не «феллахи», даже оставшиеся в Ташкенте, но взглянувшие на него хоть раз со стороны — и утратившие Ташкент (вспомним, что миф возникает лишь после важной утраты). Не «феллахи», а ташкентские «копты», которым жизнь феллашества очень интересна, как неслучаен интерес ташкольников к Александру Ки или к обитателям двухкомнатного гарема. Как будут интересны уже российским «коптам» нравы обезображенных глобализацией и обескультуриванием уже российских «феллахов»... Или не будут? Или чувство родства по крови, по происхождению, по некогда общей и великой истории станет настолько дряблым, что не удержит больше ни одного стихотворения в силлабо-тоническом капкане? Не отсюда ли внешняя «правильность» стиха «Ташкентской поэтической школы», столь претящая столичным поборникам актуальности и пресыщенным сынам гибнущего Содома?

Эмиграция, существование *вне* и взгляд *оттуда* — всё это стало важно для мифа ташкентского: «Как вы там живёте *без нас?*» («Без нас» — так и

называется стихотворение Янышева, в котором отрефлексирован оставленный ташкентский дом). А там, в этом страшном безнастье, как-то да живут... И живёт всё меньше нас. Средняя Азия как зеркало Российской Империи почти уже непригодна для самолюбования. Средняя Азия становится всё больше похожа на опытный участок русского вырождения, в лучшем случае — перерождения. Русское феллашество открыто или бессознательно ненавидит Среднюю Азию. Русское феллашество, возвращаясь в постимперскую Россию, несёт в себе глухую обиду на историю, на метрополию, на Москву, пытается что-то пробурчать, высказаться. Возможно, в московских лужах живут уже другие разновидности «писателей» и не понять им двоякодышащих, пишущих в рифму бывших ташкентцев. Может, стоит к ним прислушаться? Может, что-то важное кроется в их настойчивости и желании достучаться, оправдывая себя и свой город?

Не знаю, был ли у «Ташкентской школы» свой ташкентский детский сад... У каждого из её представителей в отдельности — наверняка был. Мой личный ташкентский детский сад находился рядом с остатками древнейшего в Средней Азии городища Минг-Урюк, некогда города Шаша, ставшего позднее Шашкентом, затем — Ташкентом... Глиняный холм давно уже изрыт археологами и просто любителями поковырять землю. В оплывшей крепостной башне устроен несанкционированный сортир. Тут и там зияют полузасыпанные ямки. Так вот, возвращаясь как-то из ташкентского детского сада, увидел я в этой глиняной яме огромную среднеазиатскую черепаху!..

Но это уже начало совсем другой истории. Сугубо сухопутной.

Впервые опубликовано в журнале на CD «Девушка с веслом» (№ 2, 2005)

---

¹ Ещё больше не повезло Ильичу в Берлине, работы того же Томского: какие немцы ни демократичные и историелюбивые, а своего Ленина они прямо-таки закопали (см.: <http://news.pravda.ru/abroad/2003/08/20/53728.html#53726>).

² Малый Шёлковый путь. — Ташкент, 1999.

³ Второй и третий выпуски вышли в 2001 и 2002 гг. в московском «Издательстве Руслана Элинина», четвёртый — в 2003-ем в ташкентском изд-ве «Фан», пятый — снова в Ташкенте.

- ⁴ С. Янышев, В. Муратханов, С. Афлатуни. О русской узбекской поэзии // Арион. 2001. № 3.
- ⁵ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. — Ташкент, 1913. — С. 65.
- ⁶ Там же. — С. 62.
- ⁷ Об этногенезе узбеков см.: Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана / Отв. ред. А. Ильхамов. — Институт «Открытое Общество» — Фонд содействия — Узбекистан; ЛИА <Р. Элинина>, 2002. — С. 268-302. Или то же: <http://diaspora.ferghana.ru/atlas/Archeology.pdf>
- ⁸ Волос А.Г. Хуррамабад: Роман. — М.: Изд-во Независимая Газета, 2000. — С. 428.
- ⁹ Там же. — С. 18.
- ¹⁰ О русской узбекской поэзии... Указ. изд. — С. 108.
- ¹¹ Евгений Абдуллаев. Закон сохранения. (Заметки о «Ташколе») // МШП-4, 2003. — С. 145.
- ¹² Там же. — С. 146.
- ¹³ См. об отличиях коптов от православных: Корнилов А.П. Вопрос о воссоединении Коптской Церкви с Православием // Путь Востока. Традиции освобождения. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium», выпуск 4. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С.137-141. Или то же: http://anthropology.ru/ru/texts/kornilov/treastj01_01.html
- ¹⁴ Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / Пер. с англ. и прим. И.М. Стеблин-Каменского. — 4-е изд., испр. и доп. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. — С. 327.
- ¹⁵ О караимах см.: Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. — М.: Наука, 2003.
- ¹⁶ Невзоров А. Пиджин-рашен. // Русский журнал / Политика / <http://www.russ.ru/politics/20040421-pidjin.html> 28 апреля 2004 г.; а также: Юрий Подпоренко. Бесправен, но востребован: Русский язык в Узбекистане // Дружба Народов. 2001, №12.
- ¹⁷ О русской узбекской поэзии... Указ. изд. — С. 107.
- ¹⁸ Сухбат Афлатуни. Гарем. Повесть // Октябрь. №12. 2004.
- ¹⁹ Знаменитый восточный энциклопедист конца X — начала XI в. Абу Райхан Беруни писал, что слово Шаш (название Ташкента, известное по арабским источникам) «взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Таш-канд, то есть каменное селение» (Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. II. — Ташкент, 1963. — С. 271). Того же мнения придерживается и великий собиратель тюркских наречий конца XI в. Махмуд аль-Кашгари: «Шаш — это название города, его настоящее название Тош-канд — город, построенный из камня» (Махмуд Қошиғарий. Девону луғатит турк. Т. I. — Ташкент, 1960. — С. 414; Т. III. — Ташкент, 1963. — С. 164). Другую версию о происхождении топонима «Ташкент» высказал выдающийся лингвист Поливанов: «Ташкент» от «Тадж-канд», т.е. «селение таджиков», как тогда называли арабов, а затем просто всех мусульман Средней Азии, в отличие от тюрков-язычников (Поливанов Е.Д. О происхождении названия Ташкента // В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели: Сб. — Ташкент, 1927).
- ²⁰ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. II. — Таллинн: Александра, 1992. — С. 9-21.; Спивак Д.Л. Северная столица: Метафизика Петербурга. — СПб.: Тема, 1998. — С. 355-356; эсхатология Петербурга в городском фольклоре представлена в кн.: Синдаловский Н.А. Мифология Петербурга: Очерки. — СПб.: Норинт, 2002. — С. 418-421.
- ²¹ Перевод километрового расстояния в количество дней караванного пути вычислен с помощью данных в кн.: Сборник Русского исторического общества. Том 4(152). — М.: , 2002. — С. 41.
- ²² Санджар Янышев. Ташкент как зеркало неверного меня... Из книги «Город которого нет» // МШП-2, 2001. — С. 89.
- ²³ Евгений. Третье тысячелетие: Что ждёт человечество и планету Земля в будущем: Магический прогноз. — Ташкент: Приложение к журналу «Шарк машъали», 1992.
- ²⁴ Березиков Е.Е. Великий Тимур: Роман-хроника. — Ташкент: Укитувчи, 1994.
- ²⁵ Андрей Кудряшов в «Исповеди русского в Узбекистане» находит иную аналогию русскоязычному бытию в Ташкенте: «Рискну даже объявить русских, с рождения проживающих в Узбекистане, пусть даже в первом поколении, особой этнической группой со специфическим менталитетом, психическим складом, даже физиологией. Вроде «африканеров», которые тоже ведь «не совсем африканцы», но точно уж — не голландцы, не французы, не немцы... Следа не осталось от их былой, слегка высокомерной осанки «советских колонизаторов» и «прогрессивных цивилизаторов». Но лишь возросла мучительная, порой неразделённая, любовь к азиатской земле, её природе, истории, людям» (<http://news.ferghana.ru/detail.php?id=2808&mode=>).
- ²⁶ Виктория Панфилова. Ислам Каримов: «При империи нас считали людьми второго сорта» // Независимая газета. 14 января 2005 г.
- ²⁷ Санджар Янышев. «Значит, надо обочиной думать...» (О творчестве Ки) // МШП-4, 2003. — С. 162.
- ²⁸ Вадим Муратханов. Мир Ки // МШП-4, 2003. — С. 166.
- ²⁹ Там же. — С. 165.
- ³⁰ Александр Ки. <Стихотворения> // МШП-4, 2003. — С. 171.
- ³¹ <http://pundick.narod.ru/kiriaz01.htm> Полный текст на странице: <http://joysunrise.narod.ru/story/gallery/compet1000-1-1.html> Советую не читать, пожалеть свои нервы.

---

³² *Санджар Янышев*. Школьный вальс // Независимая газета. 25 октября 2001 г.

³³ Более таджикское, официальное название — Худжанд. В 1936-91 гг. — Ленинабад.

³⁴ *Алексей Устименко*. Сказание о Рохшанак; *Сухбат Афлатуни*. Александр и Ровшанак // МШП-5, 2004. – С. 34-52.

³⁵ Там же. – С. 33.

³⁶ Работы замечательного ташкентского скульптора Якова Шапиро.

³⁷ *Санджар Янышев*. Школьный вальс. Указ. изд.